

Издано при поддержке Программы
содействия издательскому делу
Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien
du Programme d'aide à la publication
de l'Institut français

Людовик
Виалле

ВЕЛИКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ

Долгое Средневековье
для одного «преступления»

—•|•|•—
с комментариями
Г. В. Бакуса

Колibri
МОСКВА

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

В41

La grande chasse aux sorcières

Histoire d'une repression (xv-xviii siecle)

Ludovic Viallet

Перевод с французского Елены Морозовой

Комментарии и вступительная статья Г. В. Бакуса

(Научный сотрудник ИНИОН РАН)

Виалле, Людовик.

В41 Великая охота на ведьм. Долгое Средневековье для одного «преступления» / Людовик Виалле ; перевод с французского Е. Морозовой — Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2025 — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-389-25161-8

Слова «охота на ведьм» рожают картины пожаров, страха и демонической красоты ведьм. В чем-то это справедливая, но однобокая картина. Мы не знаем психологии людей, живших более тысячи лет назад, а потому и не понимаем как современники ведьм относились к ним и почему и зачем их боялись. Были ли ведьмы на самом деле, их неожиданная близость современному психоанализу — это все есть в удивительной истории «Великой охоты на ведьм» Людвига Виалле. Подробнейший анализ этого явления — вот что предлагается вам на страницах этой книги.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 3.3(4)4

ISBN 978-5-389-25161-8

© Виалле Л., 2023

© Armand Colin 2022, Malakoff

© Морозова Е.В., перевод на русский язык 2024

© Бакус Г.В., 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Колибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ЧАСТЬ I

Кошмар. Дьявольский заговор	9
ГЛАВА I. Даже ведьмы имеют свою историю	19
Предыстория охоты на ведьм: борьба против ереси (XI–XIII вв.)	20
Что такое ведьма? Изобретение преступления ведовства	34
От века XIV к веку XV: развитие мысли... наоборот	42
ГЛАВА II. Кошмары клириков, Величие государя: Сатанинская секта, антицерковь	52
Сон ведьмы? Фантазии Мишле	53
Борьба с «мятежницами и ослушниками»: возникновение «преступления против величия»	62
Преступление ведовства: отречение от христианства и образцовое преступление против церкви	69
ГЛАВА III. Индивидуальный страх и коллективный психоз: колдун, преступник против общества	79
Исцелять, наводить порчу, отравлять	81
Страхи общества и козлы отпущения	89
Грешница!	98
Заключение к первой части. <i>Государь, Вера, Государство</i>	109

ЧАСТЬ II

Реальность. Конструирование истины	115
ГЛАВА IV. Расширение территории охоты	115
Французский и германский мир: государства безумия, похвала государственному интересу	116
Общевропейское явление	130
Истребление женщин?	140

ГЛАВА V. От Фама к костру: адская машина	148
Ловушка: тяжесть клеветы.....	149
Слово: важность признания	158
Видение: образцовый суд.....	166
ГЛАВА VI. Выйти из порочного круга: проблема веры.....	174
Акультурация и синкретизм, или Погружение в бездну	175
Святость и ведовство: верования и сомнение	180
Ведовство и ментальная болезнь	193
Болезнь души	198
Заключение ко второй части. Сатана на диване.....	217
Заключение	222
Рекомендуемая библиография	228

Охота на ведьм в контексте истории европейской культуры

Зигмунд Фрейд во время стажировки у Жана-Мартена Шарко в Париже (1885–1886) изучал сочинение демонолога-скептика и по совместительству врача Иоганна Вейера, жившего в XVI веке и настаивавшего, что ведьм не следует казнить, но необходимо лечить от меланхолии. Этих двух людей разделяют временная дистанция в триста лет и то, что принято называть научно-техническим прогрессом в медицине, области знаний, общей для них обоих. Меланхолия как идея, объясняющая природу душевных недугов, сменилась психоанализом, но оба подхода объединял интерес к некоторым образам европейской культуры. Именно этот сюжет мне кажется одним из наиболее интересных среди всего многообразного материала, представленного в книге, которую вы сейчас держите в руках.

«Великая охота на ведьм» Людовика Виалле отличается сложной структурой, цель которой, как мне кажется, заключается в том, чтобы выявить взаимосвязь возникновения систематических преследований ведьм с различными процессами, имевшими место в общественной и культурной жизни Средневековой Европы. В своем поиске «факторов, связанных с реализацией власти» автор следует идеям Ж. Шиффоло («формирование политического подданного») и М. Фуко («дисциплинарная власть»), увязывая их с оформлением целого ряда церковных практик, таких как исповедь, проповедь, канонизация святых. Эта постулируемая Л. Виалле взаимосвязь порой выглядит как приглашение к научной дискуссии, провоцируя читателя на проверку изложенного, однако сам материал представляет значительный интерес. Так, исследователь обращается к идее, широко обсуж-

давшейся в исторической науке последнего столетия, о преследовании еретиков как факторе, повлиявшем на возникновение охоты на ведьм, однако при этом проблематизирует ранний этап становления «общества преследований» (*prosecution society*), перенося на него разработки последних лет в области *witchcraft studies*. В частности, оценивая ситуацию противостояния в Лангедоке, Л. Виалле обращает внимание на то, что отождествление еретиков-альбигойцев с учением катаров не имело под собой достаточных оснований, но было частью полемики со стороны католической церкви и происходило в виде наложения стереотипа, почерпнутого из трудов Августина Блаженного. Нечто подобное хорошо известно историкам, занимающимся преследованием ведьм в XV–XVII вв., и получило название «совокупная концепция колдовства» (*the cumulative concept of witchcraft*, — сам термин был предложен американским исследователем Брайаном Леваком). Под этим подразумевается оформление в рамках книжной культуры теологов и судей такого «состава преступления», в котором одновременно присутствовал широкий спектр обвинений, таких как порча, договор с дьяволом, превращения, полет на шабаш. Эта идея открыла возможность для массовых преследований, поскольку обвиняемый (или обвиняемая) в колдовстве признавался участником секты колдунов, действовавших по наущению дьявола против всего христианского мира. Л. Виалле не ограничивается этим наблюдением и создает масштабную картину преследований — как еретиков (альбигойцев, вальденсов, фратичелли), так и религиозных объединений (бегинок и бегардов), находившихся вне официальной структуры церкви. Особое внимание уделено религиозным аспектам — становлению культов святых в высоком и позднем Средневековье и возникновению движения обсервантов, настаивавших на строгом соблюдении уставов в нищенствующих орденах. В свете интересующей нас темы наиболее значимыми представителями этого движения были францисканец Бернардин Сиенский, призывавший к казням ведьм в своих проповедях, и доминиканец Иоганн Нидер, составивший один из первых демонологических трактатов — *Formicarius* («Муравейник») — этим двум историческим личностям уделено значительное внимание в «Великой охоте на ведьм».

Собственно возникновение преследований за колдовство Л. Виалле рассматривает на материале первых демонологических сочинений, таких как анонимный трактат *Errores Gazariorum* («Ошибки газариев») и сочинений упомянутого выше Иоганна Нидера, а также судьи из Дофине по имени Клод Толозан. Виалле анализирует также обстоятельства возникновения других книг, относившихся к этому интеллектуальному направлению, однако именно к упомянутым трем трактатам исследователь неоднократно возвращается, проверяя отдельные тезисы. «Книжные сведения» дополняют многочисленные эпизоды подлинных дел, преимущественно французского происхождения. После этого Л. Виалле переходит к проблеме распространения преследований в различных регионах Европы — во Французском королевстве, землях Священной Римской империи германской нации, на Пиренейском полуострове, в Скандинавии, на Британских островах и в Новой Англии. Рассматриваются в «Великой охоте на ведьм» также такие аспекты, как особенности преследований в сельской местности и городах, в центре и на периферии крупных государств. Наконец, заметное место в исследовании занимает поиск параллелей в современном этнографическом материале исследований, посвященных колдовству в Африке.

Не обошел своим вниманием Л. Виалле и ряд теоретических проблем историографии охоты на ведьм. К их числу можно отнести наследие Ж. Мишле и сформировавшийся в XIX веке романтический образ ведьмы, серьезно повлиявший на современное восприятие охоты на ведьм в массовой культуре, полемику Н. Кона и К. Гинзбурга о складывании комплекса представлений о шабаше, значение работы Дж. У. Скотт для изучения гендерных аспектов в рамках *witchcraft studies*.

Если использовать терминологию А.Я. Гуревича, «Великую охоту на ведьм» можно охарактеризовать как опыт «исторического синтеза», то есть широкого использования результатов современных исследований для создания максимально полной картины явления. К числу цитируемых авторов относятся К. Томас, А. Макфарлейн, Б. Левак, Й. Диллингер, В. Берингер, Р. Шульте, Р. Фольтмер, Р. Мюшембле, Ж. Делуомо, Р. Бриггс, С. Кларк, У. Стивенс, У. Монтер, Э. Роулэндс, Г. Кланицай, Е. Поч,

Л. Эпс и Э. Гоу. Здесь я привожу только имена самых известных историков, работы которых на протяжении последних тридцати лет являются наиболее важными вехами развития *witchcraft studies*. Благодаря этому читатель может представить себе основные достижения, сделанные в рамках этого направления современной исторической науки.

Григорий Бакус,
ИСТОРИК-МЕДИЕВИСТ, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНИОН РАН,
АВТОР КНИГИ «ИНКВИЗИЦИЯ, ЕРЕСЬ И КОЛДОВСТВО»
(2023).

<...> я никогда не задумывался о создании жертвенного пантеона. Я сопротивляюсь такому искушению, ибо опасюсь превратить историю в идеологию. Разумеется, в своей работе я много говорю о мертвых. Есть мертвые, преследующие меня неотступно, есть мертвые, с которыми я чувствую эмоциональную связь. Но мертвецы — это не только жертвы, это и палачи, чьи отношения с миром также нельзя назвать простыми. Эти мертвецы создали мир, в котором мы живем, в том числе и его негативные стороны. Мишле считал, что задачей историка является воскрешение прошлого, воскрешение всеобъемлющее, не оставляющее противоречий. Для меня прошлое всегда остается противоречивым.

(Карло Гинзбург. «Близко, далеко. Соотношение силы в истории.
Беседа с Карло Гинзбургом, *Vacarme*, № 18, зима 2002)

Exemplum¹

Прошлым летом на Корсике я подарил одному из наших сыновей маленький ножик, купленный в бакалейном магазинчике кемпинга. Когда я сказал пожилой даме, сидевшей за кассой, что это подарок, она предупредила меня, что

- 1 «Пример» (лат.) — короткая история, содержащая в себе простой и понятный для аудитории вывод. *Exemplum* (мн. ч. — *exempla*) в средневековой книжной традиции (чаще всего — в сборниках проповедей и сочинениях о колдовстве) использовался как структурный элемент, необходимый для организации повествования. Здесь автор использует это слово как элемент стилизации, перекликающийся с тем материалом, который рассматривается в книге далее.

тот, кому я собираюсь подарить ножик, должен «дать мне монетку», чтобы не прервались дружеские или любовные отношения. «Здесь, на Корсике, вера в приметы меня не удивляет», — шутливо ответил я. — «Нет, — сказала она, — так поступают и на материке, когда вручают что-то в подарок, пусть даже пачку бумажных платков. Возьмите монетку в десять сантимов, иначе связи порвутся». Улыбаясь, я вышел из магазинчика: интересно, она всем своим клиентам, покупающим у нее что-нибудь иное, чем продукты или домашнюю утварь, дает такие дружеские советы? И тут мне на память пришло старинное суеверие о том, как заклинают судьбу: нож не дарится, он покупается.

Мы не стали совершать этот символический обмен, не сочтя его обязательным, хотя, если послушать даму с острова, включившую суеверие в любой подарок, от исполнения этого обычая зависела прочность связующих нас уз. Если бы я даже и предполагал последовать традиции, мысль о том, чтобы поддерживать ее с собственным сыном, показалась мне нелепой. Однако на несколько минут, разумеется, ненадолго, но у меня возникло странное чувство: нет, не стеснение или затруднение, и уж тем более не страх, а ощущение, словно что-то не сделано, что-то, пусть даже и абсурдное, но рекомендованное на полном серьезе, не было мною соблюдено. С риском испытать последствия неисполнения.

В тот день я почувствовал, что оказался в двух шагах от того, чтобы уверовать в приметы, по крайней мере в их достоверность. В двух шагах от сокровенного и безграничного на берегу бескрайнего океана бездонной глубины, изборожденного в разных направлениях. Он призывал ступить в свои воды, где я рисковал утонуть.

Чтобы не затруднять восприятие повествования, не все источники и публикации, использованные при написании этой книги, процитированы в тексте. Если же они выступают в качестве ссылок, то упоминаются только название и дата выхода (в частности, это относится к работам антропологов) или же сокращенное название со звездочкой, отправляющей к полной ссылке, размещенной в библиографии в конце книги.

Колдовство зачаровывает. Оно как двустороннее зеркало: с одной стороны отражает глубоко скрытую в каждом из нас частичку детства, а с другой — смертоносное безумие человечества, отправившего на костер тысячи жертв.

Этой фразой начинается книга *«Ведьмы! Большая охота»*, вышедшая в 2013 году, новое издание которой, переработанное и дополненное, сейчас перед вами. Перечитывая то сочинение, автор этих строк не вполне уверен, что сегодня сумел бы столь же легко, на одном дыхании, написать такую книгу, как написал ее тогда, ибо за последние несколько лет ведьмы всех мастей столь разбушевались, что, к сожалению, похоже, избавят новое издание от прискорбной банальности. В частности, на автора, историка по профессии, обескураживающее впечатление произвел оглушительный успех очерка Моны Шоле *«Ведьмы. Непобедимое могущество женщин»* (2018), хотя, разумеется, речь идет не о ревности (у каждого свое ремесло) или снисходительном высокомерии, а всего лишь о некой разновидности усталости. За последние десятилетия очень много работ о западном колдовстве было создано авторами, часто не имеющими ни надлежащих знаний, ни достаточного обоснования темы; и вот появилось сочинение, написанное талантливо, однако с полемической целью, но оно в качестве побочного недостатка закрепило у читателей «Большой охоты» ассоциацию исключительно с преследованием определенных женщин, тогда как прежде всего самое важное в этой теме — это то, что *охота на ведьм* — явление, которым долгое время пренебрегали, — наконец, привлекло к себе внимание.

В истории очень редко можно что-то объяснить одной причиной. В данном случае, даже если разрушительные последствия женоненавистничества делают неоспоримым факт убийства

женщин, облачившийся в форму гонения на ведьм, нельзя ограничиваться только этой интерпретацией, поскольку это явное упрощение. Единичная трактовка объясняет далеко не все, но иной вопрос, будет ли она услышана. С другой стороны, бороться против идеи, представленной как своего рода откровение (идеи в духе времени, подаваемой под разными соусами), гораздо сложнее, а то и вообще стоит заранее смириться с поражением. Из-за гремучей смеси ненависти и крови, законности и беззакония костер для ведьмы является удобной темой для того, кто хочет блеснуть без особого труда; а раз нельзя помешать публиковать все и бог весть что, причем зачастую с целью саморекламы, то нет этому конца. При этом, напоминая о других массовых убийствах, авторы используют нужные слова — «геноцид», «преступление против человечности» или жертва-икона-на-все-случаи-жизни — «Жанна д'Арк», — как написано в первых строках недавнего эссе «Музей ведьм» Катрин Клеман (2020):

Забвение — давнее преступление против человечества, которым следует считать охоту на ведьм в Европе и в колониях. Я не говорю ни о принудительном выселении, ни об аресте, ни о заточении в тесные монастырские застенки, где им просовывали пищу через прутья решетки, я даже не говорю об интернировании. Я всего лишь предлагаю вспомнить о привязанных к лестницам женщинах, которых палач сталкивает в огонь лицом вниз. Говорю о тех, кого, связав, помещали на вершину костра, не затухавшего целую вечность — три часа, четыре часа, прежде чем безымянный английский солдат не подобрал, как гласит легенда, сердце Жанны д'Арк, которое пламя отказалось принять¹. Так было в Европе.

- 1 Похожая легенда существовала об останках Джироламо (Иеронима) Савонаролы (упоминается автором ниже), религиозного и политического деятеля Италии из ордена

Впрочем, стоит только приступить к работе над темой, как тотчас начинаешь отдавать себе отчет, насколько обширна библиография, посвященная борьбе с ведовством, созданная в последние десятилетия, особенно англосаксонскими авторами. Однако задача не в том, чтобы выделить это историческое явление, а чтобы полностью очертить его контуры и разобраться со всеми его сложностями, а в этом плане остается много чего еще написать.

Итак, не будем стараться охватить разом всю проблематику (самое важное все равно проявится), но и не будем опускать руки. И потянем за волшебную ниточку по обе стороны зеркала.

Первая сложность, с которой мы столкнемся, заключается в конкретизации границ феномена ведовства, уверенно обосновавшегося в легендарных сказаниях, подпитываемых коллективным воображением. В сущности, кто такая ведьма? Колдунья, прорицательница, недружественная сестра феи? Целительница, подобная сельским костоправам и гипнотизерам, которым изрядное число иллюстрированных журналов регулярно посвящают целые «подвалы» (*«эта традиционная культура по-прежнему живет в самом сердце нашего современного мира»*)? В силу того,

доминиканцев, установившего свою диктатуру во Флоренции (1494–1498). После его падения и казни остались последователи, считавшие Савонаролу мучеником за веру. Одним из последователей «флорентийского пророка» был князь и философ-гуманист Джанфранческо Пико делла Мирандола (он приходился племянником знаменитому гуманисту Джованни Пико делла Мирандола), составивший *«Житие Иеронима Савонаролы»* (*Vita Hieronimi Savonarolae*), содержащее апокрифическую историю о «сердце пророка». Согласно Пико после казни (Савонарола был повешен) тело его сожгли, а останки выбросили в реку Арно, откуда один из последователей выловил нечто круглое, похожее на мяч, — сердце брата Джироламо, которое позднее использовалось при проведении экзорцизма.

что колдовство обитает везде, его нет нигде. Следовательно, необходимо отличать его от иных явлений.

Вторая сложность состоит в том, что понятие *охоты на ведьм* стало повседневной метафорой всяких гонений, превратившей в том числе и ведьму в символ невинной жертвы, преследуемой хранителями догмы и террористической властью. Понятно, что здесь речь не идет только о «религиозном факторе»: этот образ родился прежде всего из наложения опыта недавно ушедшего XX века на средневековые костры — впрочем, все нынешние притеснения зачастую сравнивают со Средневековьем.

Теперь европейское сообщество заботится об увековечении памяти жертв гонений многовековой давности. В июне 2011-го в норвежском городке Вардё королева Соня открыла мемориал, где в длинной галерее, спроектированной швейцарским архитектором Петером Зюмтором, висят таблички с именами 77 женщин и 14 мужчин, казненных в XVII веке за колдовство. На месте предполагаемого костра в стеклянном павильоне стоит стул с выбивающимися из него языками пламени, созданный американской художницей Луизой Буржуа. Иногда ведьм даже реабилитируют, как это произошло 27 августа 2008 года в кантоне Санкт-Галлен, где оправдали Анну Гёльдин, казненную 18 июня 1782 года; ее считают последней осужденной ведьмой в Европе, по крайней мере в Швейцарии. Итак, если читать историю в *обратном направлении*, «политическое» в *охоте на ведьм* является не только символическим или метафорическим. Более важны, нежели принято считать, факторы, связанные с реализацией власти, с межличностными и внутриобщинными трудностями, с созданием грозных бюрократических и административных механизмов, махин, которые необходимо постоянно кормить, чтобы они воспроизводили порядок, и которым для его поддержания требовался беспорядок. Такой подход предполагает некоторые объяснения.

Начнем с того, что вопрос этот непростой. И прежде всего потому, что ведьмы и борьба с ними на Западе составляют единое явление. Название книги, изданной в 2013 году («Ведьмы!»), сразу указывает на то, что ведуньи неразрывно связаны с направленным на них указующим перстом обвинителя. Такая связь отсылает к исторической реальности, в которой следует разобрать-

ся, а затем объяснить ее. Для историка это интеллектуальный вызов, увлекательный и требовательный. В начале коллективного труда «*Шабаш ведьм в Европе, XV–XVIII вв.*» Карло Гинзбург, чьи смелые анализы стимулировали новые размышления, подчеркнул, что шабаш, церемония поклонения Сатане, является «пограничной темой, заставляющей историков радикальным образом переосмыслить либо ограничения, либо потенциальные богатства своего ремесла». Таким же вызовом является (или, скорее, продолжается) и стремление автора или преподавателя передать свои знания и сделать их доступными. Историографическая продукция о ведовстве на Западе огромна, и в ней нашли свое отражение различные традиции, в ряде случаев практически не пересекающиеся или же и вовсе расходящиеся в противоположные стороны.

Так, французские историки, и в частности медиевисты, развивали главным образом подход, который можно определить как «теолого-юридический», создавая историю изобретения преступления ведовства культурной элитой. Предложение же «всеохватного» синтеза *Великой охоты на ведьм* в равной степени означает обращение к той научной литературе, которая, не забывая о том, какие преследования были вызваны созданием данного преступления, направляет свой взгляд и на другие фрагменты картины, которую нам предстоит восстановить. Например, вдохновленная антропологией и социологией, англосаксонская историография может помочь нам точнее составить представление о верованиях и *специфических* явлениях культуры в народной среде, а также, в случае необходимости, о формах функционирования человеческого общества. Излишне человеколюбивого.

Однако вот уже несколько десятилетий назад французские историки, передовой отряд знаменитой «*Школы Анналов*», заинтересовались *Великой охотой на ведьм* с позиций изучения истории «ментальностей». Статья Люсьена Февра «*Ведовство: глупость или ментальная революция?**», напечатанная в журнале *Annales ESC* в 1948 году, и вышедшая спустя двадцать лет книга его ученика Робера Мандру «*Магистраты и колдуны во Франции в XVII в. Анализ исторической психологии**» явились главными веками на исследовательском поле истории ведовства, где есть все, чтобы приворожить историков, желающих разобраться в «мен-

тальном климате», «ментальном инструментарии», «ментальной обстановке» и даже в «коллективной психологии». Сегодня эти работы вызывают трогательную улыбку, но и огромную признательность старшим товарищам, расчистившим в порыве энтузиазма новые территории, преследуя цели, которые отчасти являются и нашими. Позднее, после критики и вновь поставленных вопросов относительно некоторых подходов, все в тех же *Annales ESC* Карло Гинзбург, чья работа «*Сыр и черви*»* сделала его первопроходцем «микроистории» (*microstoria*), опубликовал свои соображения о шабаше. Во Франции исследователи, группирующиеся вокруг Жака Шиффоло и ведущие изыскания в области ересей, оказали существенное влияние на изучение истории судебных разбирательств и идеологических конструкций позднего Средневековья, лежащих в основе становления государства, называемого современным.

Десятилетие между 1970 и 1980 годом англосаксонская историография следовала другим путем, ориентированным на историческую антропологию и социологию, коллективные верования и социальные явления. Однако довольно много этих работ, созданных в соблазнительном междисциплинарном пространстве, способствующем многопрофильным исследованиям в рамках академического ландшафта (университетские преподаватели, имеющие возможность преподавать и одновременно публиковать работы из области истории, социологии и даже литературы), оказались далеки от совершенства и заслужили критику, даже если цели у авторов были вполне достойные. Знаменитые, но, к сожалению, вызвавшие разочарование своими социологическими и антропологическими объяснениями, исследования известного ученого Нормана Кона — в частности, от «*Погони за тысячелетием: революционные миллиенаристы и мистические анархисты Средних веков*» (1957) и до «*Тайных демонов Европы: расследования, вдохновленного Великой охотой на ведьм*»* (1975)¹ — органично вписались в глобальный проект

1 Один из вариантов перевода названия на русский — «Тайные демоны Европы». В 1993 г. Норман Кон подготовил переработанное издание книги, вышедшей под названием

изучения геноцида и массовых убийств, преследования инакомыслия и исторических мифов вплоть до XX века, как, в частности, свидетельствует его труд «Оправдание геноцида: миф о международном еврейском заговоре и “Протоколы сионских мудрецов”», вышедшей в 1967 году². Как мы еще увидим, параллели

«Тайные демоны Европы: демонизация христиан в средневековом христианстве».

- 2 Здесь автор фактически принимает позицию Карло Гинзбурга, главного критика Н. Кона, которая наиболее последовательно была выражена в статье «Образ шабаша ведьм и его истоки». За рамками этой отдельно взятой дискуссии в исторической науке говорить о «разочаровании антропологическими и социологическими объяснениями» не приходится — см. например: Toivo R. M. *The witch-craze as holocaust: The rise of prosecuting societies // Palgrave advances in witchcraft historiography*. New York, 2007. P. 91–94. Исследования Н. Кона положили начало ряду работ, посвященных образу Другого в социальных описательных стратегиях и оказались близки идеям М. Фуко о дискурсах власти (стоит отметить, что Фуко также является объектом критики К. Гинзбурга). Применительно к исследованиям охоты на ведьм главная идея Н. Кона заключалась в том, что образы шабаша и колдовства как заведомо невозможного преступления сформировались в рамках существования некоего агрессивного стереотипа, лежащего в основе крупнейших преследований европейской истории. Агрессивный стереотип включает в себя идею, что внутри общества существует закрытая организованная группа, которая целенаправленно совершает набор действий, подрывающий общепринятые нормы (оргии, каннибализм, инфантицид). Обвинения такого рода выдвигались против христиан во времена Нерона, а позднее — групп еретиков, тамплиеров и, наконец, ведьм. Позднее, по мысли Кона, уже в новейшей истории этот стереотип вернулся в виде идеи «всемирного еврейского заговора», что послужило основой нацистской политики геноцида. Несмотря на то, что Н. Кон не исполь-

с тоталитарными режимами и целым рядом трагедий XX века напрашиваются сами, ибо позволяют лучше понять и изучить наш материал, но надобно соблюдать осторожность, чтобы не возвести их в дискурс метода — или, как мы уже видели, в метод для продвижения собственного дискурса.

Не являясь ни маргинальной областью исследований, ни периферийной, *Великая охота* погружает нас в самую суть того, как были устроены люди, постигая окружавший их мир и рассматривая и объясняя события, случившиеся за время их жизни. Начало *охоты* восходит к первой половине XV века или к последним десятилетиям того *Средневековья*, датировку которого договорились продолжить до 1520 года и лютеровой Реформы; заканчивается *охота* в начале XVIII века или немного позднее,

зует понятие «дискурс», его концепцию можно описать в категориях М. Фуко: агрессивный стереотип является одним из элементов властного дискурса в том смысле, что его всегда используют как символический потенциал в политических целях. Важно, что речь не идет о политическом терроре или религиозной нетерпимости — этот стереотип использовался как против христиан в Римской империи, так и христианами против еретиков или любых маргинализируемых групп в Средние века. Как указывает Р. М. Тойво, уязвимость концепции Н. Кона заключается в том, что далеко не все дела о колдовстве включали в себя обвинения, связанные с полетом на шабаш, однако (как опять же указывает Тойво) сам Кон никогда не распространял свои объяснения на все случаи охоты на ведьм. Наконец, ранняя работа Н. Кона «Погоня за тысячелетием» показывает еще одну важную грань этой концепции — идея очищения и преобразования всего общества путем уничтожения какой-либо группы присутствует и в ряде мистических доктрин Средневековья, то есть агрессивный стереотип присутствует даже вне властных отношений (когда церковь как организация преследует еретиков или ведьм). Как мы увидим далее, основные идеи Н. Кона местами заметно совпадают со взглядами автора книги.

Научно-популярное издание Танымал ғылыми басылым

Серия «Исторический интерес»

Людовик Виалле

ВЕЛИКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ

Долгое Средневековье для одного «преступления»

Руководитель проекта *Ольга Ро*

Научный редактор *Григорий Бакус*

Редактор *Мария Николаева*

Менеджер проекта *Татьяна Маслова*

Технический редактор *Лидия Синицына*

Корректоры *Екатерина Шумская, Ольга Ануфриева*

Макет и верстка *Светлана Осипова*

Дизайн обложки *Алексей Коннов*

В оформлении обложки использованы материалы Shutterstock.com® Morphart Creation: фрагменты гравюр Питера Брейгеля Старшего: «Зависть» и «Гордость» из серии «Семь смертных грехов» 1556-1558 г., и «Святой Иаков и маг Гермоген» 1565 г.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.02.2025.

Формат 60×88 1/16. Гарнитура «Charter». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,6.

Тираж 3000 экз. О-HIS-34149-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
«КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.